

А.К. Кулумбекова

Терское казачество в межнациональных отношениях на Северном Кавказе в 1917 г.

А.К. Кулумбекова*

Проблема межнациональных отношений на Северном Кавказе принадлежит к числу активно разрабатываемых в отечественной историографии. Это неудивительно, так как данный регион, представляющий собой уникальную мозаику народов, дает основание говорить о себе как исключительно «проблемном регионе» с точки зрения межэтнических взаимодействий. В данной связи повышенный интерес вызывает терское казачество как активный участник такого рода взаимодействий. Интерес обусловлен различного рода обстоятельствами, в числе которых неоднозначность и спорность оценок и суждений по вопросу о сущности казачества, его принадлежности к так называемым пограничным этносоциальным общностям, формированию и эволюции, а также по процессу современного возрождения. Переломные моменты в развитии российской государственности, поиск власти и обществом стабильной основы своего существования вызывали разнообразные реакции со стороны казачества. На одну из таких реакций терского казачества на события 1917 г. и хотелось бы обратить более пристальное внимание. Кроме того, кризис государственности предопределил и кризис государственно-опосредствованных этнических отношений. Катастрофа империи в 1917 г. открыла возможности для ревизии того земельно-территориального положения, которое сложилось в регионе еще в 1860-е гг. и стало причиной особенно острых противоречий между казаками, лучше обеспеченными землей, и малоземельными вайнахами (в начале XX в. казачий надел в Терской области составлял от 8 до 23 дес., чеченский – 1,2 дес., у ингушей – 0,3 дес., в горной Осетии – 0,4 дес.). «Уже в конце 1917 – начале 1918 гг. цепь локальных столкновений приводит к тому, что основная линия гражданского противостояния в регионе сформировалась не только или даже не столько между различными социаль-

ными слоями, сколько между различными этническими группами. Однако эти две линии противостояния – этническая и социально-классовая – постоянно «взаимодействовали друг с другом, входя в противоречие или усиливая, накладываясь или же подавляя одна другую» [1, с. 47–48].

Свержение самодержавия в феврале 1917 г. явилось сильнейшим толчком для процесса активизации политической деятельности самых различных сил в России. В многонациональной Терской области это имело свои особенности. Февральская революция внесла существенные изменения в политическую жизнь региона, но не привела к серьезным позитивным переменам в социально-экономическом положении его народов. Более того, после Февральской революции наблюдалось дальнейшее ухудшение экономического состояния населения. Однако изначально смена власти проходила мирно, чему способствовало полное отсутствие сопротивления революции со стороны местной администрации. Начальник Терской области и наказной атаман Терского Казачьего Войска (ТКВ) генерал С.Н. Флейшер призвал население подчиниться новому правительству. Сразу после этого началось лихорадочное формирование новых органов власти в области. Высшая власть была передана Терскому областному гражданскому исполнительному комитету, во главе которого был поставлен чрезвычайный комиссар Временного правительства М.А. Караулов. Одновременно с этим были смещены начальники округов по всей Терской области и созданы окружные гражданские исполнительные комитеты. 5–6 марта 1917 г. во Владикавказе был создан Временный Центральный комитет объединенных горцев, председателем которого стал Б. Шаханов – балкарский просветитель, публицист, общественный деятель. В противовес Гражданскому исполнительному комитету и Центральному комитету

* Кулумбекова А.К. – преподаватель кафедры истории СКГМИ (ГТУ).

объединенных горцев в Терской области стали зарождаться и первые Советы рабочих и солдатских депутатов, которые обосновались во Владикавказе, Грозном, Моздоке, Нальчике, Пятигорске и других крупных населенных пунктах. Таким образом, двоевластие, сложившееся после Февральской революции в центре, сказалось и на организации «многовластия» в Терской области [2, с. 108].

По мнению Л.И. Футорянского, «Февральская революция открыла возможности демократизации казачьей войсковой системы и преодоления сословной отчужденности казаков» [3]. Одним из первых ее проявлений стало решение вернуться к выборной системе, вследствие чего уже 13 марта 1917 г. представители всех 70 станиц ТКВ, руководство 4 отделов на Большом Войсковом Круге во Владикавказе утвердили М.А. Караулова первым выборным атаманом ТКВ [4, с. 31] (вследствие чего он отказался от должности комиссара Временного правительства). М.А. Караулов, казак станицы Тарской, был известен своей высокой образованностью, блестящими ораторскими способностями и депутатской деятельностью. Его заместителем стал есаул Л.Е. Медяник. На заседании присутствовали делегаты всех основных политических партий и национальных групп Терека, в том числе чеченцев и ингушей. Среди прочих вопросов, рассмотренных на заседании Круга, обращает на себя внимание и инициатива представителей Кизлярского и Сунженского отделов. По их просьбе отмечаемый ежегодно войсковой праздник Терского казачества был перенесен с 25 августа на 2 марта («день падения Романовской династии»), так как 25 августа считалось «днем падения свободы горцев» [5]. А это, по мнению кизлярцев и сунженцев, вносило напряжение в их отношения с горскими соседями.

С 23 по 29 марта 1917 г. в Петрограде проходил первый общеказачий съезд, на который были делегированы и представители ТКВ. Съезд выразил полное доверие и поддержку Временному правительству, обсудил и принял важнейшие принципы жизнедеятельности всех казачьих войск России, четко обозначив позицию казаков по самому наиболее земельному вопросу: «1. Все земли казачьего войска, леса, недра, воды и прочие угодья, как историческое достояние казачества составляют неотъемлемую и неприкосновенную собственность каждого казачьего войска. 2. Вся частновладельческая земля, выделенная из казачьих территорий путем высочайшего пожалования, наград, а также государственная, церковная, расположенная на войсковой терри-

тории, должна быть возвращена в собственность каждого казачьего войска. 3. Земли немецких колонистов, расположенные на территории казачьих войск, переходят в распоряжение казачьего войска. 4. Каждое казачье войско, как самостоятельно управляющаяся единица, владеет, пользуется и распоряжается землями самостоятельно и независимо» [6]. Перечисленные выше принципы наглядно демонстрируют стремление казаков не допустить изъятия кем бы то ни было войсковых земель. Таким образом, общеказачий съезд не ликвидировал земельных противоречий между казаками и неказаками. Собственное земельное положение казачество собиралось улучшить за счет казачьей знати, которая давно и почти полностью оторвалась от масс станичников, активно распродавая при этом свои земли желающим. Что же касается конфискации земель немецких колонистов, то этот шаг являлся совершенно несправедливым со стороны казаков по отношению к трудолюбивым соседям, тем более что на войсковых территориях земли немецких колонистов составляли ничтожно малую часть.

С 7 по 19 июня 1917 г. в Петрограде проходил уже второй общеказачий съезд. В резолюции съезда по земельному вопросу подтверждалось решение предыдущего съезда о неприкосновенном праве казачьих войск на их земли, праве пользоваться этими землями самостоятельно и независимо, о необходимости возвращения частновладельческих земель в собственность казачьих войск. Такая установка, поддержанная и терским казачеством, без сомнения, способствовала обострению казачье-горских противоречий в Терской области.

Активизация различных политических сил наблюдалась и в среде самих горских народов, которые уже в марте-апреле 1917 г. избирали делегатов на съезд объединенных горцев. В этих условиях особенно активную роль в политической жизни горских районов стало играть мусульманское духовенство. Так, по чеченским горным и плоскостным аулам уже с марта начали разъезжать известные в народе шейхи: С. Гайсумов, Д. Арсанов, А. Митаев и др. со своими партиями мюридов, агитируя горцев поддержать именно собственные кандидатуры при выборах делегатов на съезд. Особым авторитетом среди горцев пользовались и религиозные деятели Дагестана: Нажмуддин Гоцинский и Узун-Хаджи Салтынский, сыгравшие очень заметную роль на Тереке в 1917 г. Н. Гоцинский увидел в начавшейся после февральской смуты возможность не только повести дело к отделению Северного Кавказа от России, но и шанс оказаться во главе буду-

щего горского государственного образования. Поскольку для таких масштабных планов была необходима надежная идейная основа, Н. Гоцинский в качестве таковой выдвинул уже не новую идею введения шариата во все сферы жизни горцев. Эта внешне заманчивая для мусульман идея предполагала введение особых законов для горского населения, что естественным образом должно было уничтожить действие общероссийских законов на Северном Кавказе, а значит, в итоге как минимум поставить эту часть России в аморфные конфедеративные отношения с центром. Если учесть продолжавшуюся мировую войну, в которой Россия воевала с надеждой горских исламистов – Турцией, то становится понятно, что реальное введение и полная реализация законов шариата преследовали цель отделить Северный Кавказ от России, полагаясь на поддержку Османской империи. Однако на открытое провозглашение такого лозунга новоявленные сепаратисты пока не решались, осознавая еще сохранявшуюся военную силу России и отсутствие собственных вооруженных отрядов.

I съезд горских народов открылся 1 мая 1917 г. во Владикавказе. На съезде присутствовали гости, в том числе атаман ТКВ М.А. Караулов. Некоторые исследователи утверждают, что по существу это был Северокавказский мусульманский съезд. На религиозном характере этого события, по их мнению, акцентировали внимание и сами участники съезда: «Братья мусульмане! Наконец-то заговорил, заговорил властно и тот могучий сфинкс, которому имя – Ислам» [7, с. 46]. Однако следует отметить, считает В.Д. Дзидзоев, «что еще более распространенными были тенденции к объединению северокавказских народов не на религиозной основе, а на общности единых экономических, политических интересов, вековых традиций и исторических судеб горцев. Экономические и политические интересы малочисленных народов Северного Кавказа в начале XX в. были уже выше религиозных» [8, с. 23]. На съезде был провозглашен Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, включавший все горские племена, а также ногайцев и туркмен, на территории от Каспийского до Черного моря. Съезд избрал Центральный Исполнительный Комитет, создал Духовный совет во главе с Н. Гоцинским – «весьма влиятельной фигурой, за которым шли мусульманские народные массы» [8, с. 22]. До Октября прошли два других съезда Союза объединенных горцев: в селе Анди в августе-сентябре и во Владикавказе в начале октября 1917 г.

В советской историографии Союз чаще всего

называли «антисоветской», «реакционной» организацией, уводившей массы горских народов от общероссийских политических событий и воздвигавшей стену между горцами и русскими в области. Между тем, отмечают сегодня некоторые исследователи, объективный анализ его документов свидетельствует о том, что, провозгласив лозунги свободы, равенства, мирного сожительства всех народов Северного Кавказа, Союз особое внимание уделял проблемам межнациональных и межконфессиональных отношений в регионе [8, с. 24]. В этой связи обращает на себя внимание аграрная программа Союза, имеющая большое сходство с программой большевиков. В ней признавалось, что «земля должна принадлежать трудящемуся населению», но окончательное разрешение аграрного вопроса I-й съезд Союза считал необходимым предоставить Учредительному собранию в виду серьезности момента и сложности этого вопроса [7, с. 101]. Вместе с тем съезд выразил пожелание, чтобы в отношении горцев-мусульман аграрный вопрос был разрешен согласно нормам шариата. 6 мая 1917 г. в докладе аграрной секции I-го съезда горских народов подчеркивалось: «Съезд находит необходимым: чтобы земли, леса и воды, отнятые казной у горцев и других народностей, входящих в состав Союза объединенных горцев, были немедленно возвращены этим народам и, наконец, чтобы все свободные казенные земли Крестьянского поземельного банка в пределах территории горского населения и смежных с нею поступили немедленно для обеспечения земель безземельных и малоземельных горцев и прочих народностей, вступивших в Союз объединенных горцев» [8, с. 25]. Таким образом, было высказано пожелание о возврате земель, отнятых в свое время государством у горцев. На основании этих решений горцы могли в будущем предъявить права и на многие казачьи земли, прежде всего по Сунже и Ассе, так как эти земли именно казна изъяла у горцев в пользу казаков в XIX веке. «Земли южнее Терека, – пишет И.Е. Дунюшкин, – были действительно захвачены Россией, и их возврат горцам в принципе был бы справедлив, но в условиях 1917 г. указанное решение давало «зеленый свет» всем желающим горцам на насильственное вытеснение русских с данных территорий, хотя открыто это не объявлялось, и вопрос об историческом споре горцев с казачеством о земле был обойден молчанием» [9, с. 209]. При этом, замечает он, организаторы и руководители съезда старательно ушли от обсуждения вопроса о помещичьих владениях горской знати, хотя и в Кабарде, и в Хасавюртовском

округе они были достаточно значительны. Признавая, что «земельный вопрос – старый наблевший вопрос», М.А. Караулов в приветственной речи на съезде заявил: «...земли ваши, леса ваши, объявленные казенными, теперь должны, конечно, принадлежать вам, как исконным собственникам...» [4, с. 36]. Однако он говорил о землях, объявленных казенными, то есть не входящих в территорию ТКВ, игнорируя тот факт, что в решениях Горского съезда было записано «отнятые казной у горцев», что в свою очередь предполагало изъятие в пользу последних и части казачьих земель. Позиция казачества же по этому вопросу, как было отмечено выше, как и позиция самого М.А. Караулова, была однозначна: не допустить кем бы то ни было изъятия войсковых земель.

В принятых резолюциях съезд признал необходимым всемерно поддерживать все начинания Временного правительства, требуя, однако, завершения войны без аннексий и контрибуций, что было вразрез с политикой Временного правительства. Особую позицию занял съезд по вопросу о праве ношения оружия, объявив его неотъемлемым правом всякого свободного гражданина (за исключением винтовок казенного образца) [9, с. 208]. Не это ли решение позволило населению еще активней вооружаться, используя оружие в межэтнических столкновениях в том числе? Серьезнейшие преобразования съезд решил произвести и в отношении проблемы введения шарията.

Вскоре ЦК Союза население Терской области стало именовать просто Горским правительством. Вместе с преобразованным в Войсковое правительство правлением ТКВ Горское правительство стало претендовать на самостоятельное управление шестью округами Терской области с преимущественно горским населением. Так в крае возникли весной 1917 г. два основных политических центра, между которыми предстояло лавировать местным исполкомам и Советам.

Уже на I съезде Горского союза резко выступил против объединения народов по религиозному принципу и впоследствии препятствовал распространению влияния ЦК Союза горцев в Осетии С. Такоев [10]. Однако среди вайнахов и дагестанцев влияние Союза объединенных горцев было очень сильным благодаря высокой степени религиозности местных мусульман и стойким сепаратистским настроениям среди них.

Собственно горское население реагировало на крушение монархии в четком соответствии с насущными социально-экономическими интересами каждого народа, причем в зависимости

от имевшегося уровня общественного развития действия горцев отличались в разных округах.

В Нальчикском округе основная масса кабардинцев была заинтересована в перераспределении в свою пользу земельного фонда, большая часть которого принадлежала местной феодальной знати. Выступления кабардинских общинников были направлены против собственных князей, а потому здесь почти не имелось каких-либо столкновений на межнациональной почве с русскими, в том числе с казаками, так как горцы справедливо видели основного врага не в соседях-русских, а в лице собственной знати.

Во Владикавказском округе осетинское население имело земельно-территориальные претензии и к собственным помещикам – алдарбаделятам, и к чересполосно расположенным с селами осетин казачьим станицам. Но, следует заметить, «несмотря на практически одинаковые показатели земельного надела и одинаковый пресс земельного голода, осетины и ингуши различным образом встраивались в систему отношений с соседями-казаками...», и потому кризис государства в 1917 г. спровоцировал различную реакцию: ингуши выступили против государственности и против олицетворяющего ее казачества, «в Осетии же обострились внутренние социальные противоречия, нарастала силовая поляризация различных политических групп внутри самого осетинского общества» [1, с. 48]. Нерешенность земельного вопроса вынуждала осетинских крестьян массово захватывать помещичьи земли, что, как правило, приводило к конфликтам именно с властями. Сложнее обстояло с осетино-ингушскими отношениями: локальные инциденты вылились в образование к началу 1918 г. осетино-ингушского фронта по всему периметру границы.

В Чечне наблюдалась иная ситуация. Здесь уже в 1917 г. помимо вопроса о земле сразу встал и вопрос о нефти. Керосином Баку, Майкопа и Грозного снабжалась половина Европы. Нефть означала большие деньги. Вот почему уже весной 1917 г. чеченцы стали делать попытки овладеть грозненскими нефтепромыслами. В Петроград шли телеграммы с требованиями прислать в Грозный военную охрану, но эти телеграммы оставались без последствий. Сложившееся в Чечне положение было красноречиво охарактеризовано писателем Х. Ошаевым, непосредственным участником революционных событий здесь: «Чеченская народность... поняла февральскую революцию как возможность и необходимость стряхнуть и уничтожить все, что напоминало о приставах, казаках, солда-

тах, тюрьмах. С особым удовольствием жглись казармы, железнодорожные будки, разрушали железную дорогу, нападали на станции... И этот стихийный, массовый, неорганизованный порыв усугублялся мыслью об отнятой когда-то и переданной казачьим станицам земле» [11, с. 24–25]. По воспоминаниям другого очевидца событий Д.З. Коренева, «...на стыке территорий казачьих станиц и чеченских и ингушских аулов начались вооруженные столкновения, с каждым днем все более грозные» [4, с. 37]. В Грозном росло брожение и недовольство населения слободок, гарнизона и даже рабочих против чеченцев. В этих условиях 9 мая 1917 г. солдат 111-го полка грозненского гарнизона убил чеченца, и вскоре произошел чеченский погром, в результате которого погибло более 10 чеченцев [11, с. 13]. Всякие попытки предотвратить усиление межнациональной вражды не дали результатов. Начались ответные убийства, ограбления и угон скота. Более того, волна убийств резко увеличилась летом 1917 г. и перекинулась и на другие места: слободы Воздвиженскую, Шатой, Ведено, станицы Ермоловскую, Кахановскую [12]. Чеченский Национальный Совет (ЧНС), образованный в марте 1917 г., под руководством А. Мутушева постоянно призывал чеченское и русское население отказаться от взаимной вражды. ЧНС рассылал всех своих членов на все места происшествий, но успехи были минимальными.

Ингушский народ отличался от родственного чеченского отсутствием большого количества шейхов, более крепким внутренним единством. У ингушей почти не было собственной буржуазии и крупных землевладельцев, что также усиливало сплоченность этого народа в его действиях. Вместе с тем ингуши, как и чеченцы, считали своими главными врагами соседей-казаков в частности и российскую власть вообще. Именно поэтому с весны 1917 г. начались нападения горцев на соседние станицы в верхнем и среднем течении Сунжи. Следует отметить, что изначально после революции в Назрановском округе ингуши приняли активное участие в формировании новой власти, в результате чего именно ингуш В. Джабагиев стал руководителем Назрановского окрисполкома, а затем был назначен комиссаром округа. Постепенно нападения на русских, грабежи и убийства проезжающих стали доминировать в межнациональных отношениях на Сунже. Ситуация так осложнилась, что 28 июня съезд делегатов от станиц Сунженского и Кизлярского отделов постановил прервать сообщение с горцами «...ввиду усилившихся убийств, разбоев и грабежей вообще в области и в особенности в

станциях по Сунже и Ассе», а нарушителей этого постановления по истечении 7 дней со дня решения «считать как разбойников» и «поступать как с таковыми» [13, с. 192]. Однако и в последующие дни в прессе появлялись сообщения о жалобах сунженцев на опасность работы в полях.

Летом 1917 г. происходит обострение положения в Терской области, связанное с возвращением с Кавказского фронта дезорганизованной и деморализованной солдатской массы. В июле 1917 г. во Владикавказе произошли погромы ингушей, основным действующим лицом в которых выступили солдаты. Ингуши, узнав о трагедии, стали ожесточенно готовиться к кровной мести. Администрация стремилась предотвратить такую перспективу, тем более что после погрома 6 июля соседствующие селения осетин и ингушей – Ольгинское и Базоркино – сразу опоясались окопами в предчувствии неминуемого столкновения. В этот момент действительно образец смелости показали большевики во главе с С.М. Кировым, которые выехали в Базоркино для переговоров. Киров выступил перед ингушами и в полной мере продемонстрировал свои ораторские и дипломатические способности, в результате чего столкновение было предотвращено [14]. Между тем ингуши решили самостоятельно обсудить создавшееся положение, и в конце июля в Назрани состоялся общеингушский съезд [13, с. 191], результатом работы которого явился раскол собравшихся на два лагеря – сторонников мирного сожительства с казаками в рамках России (лидер – В. Джабагиев) и откровенных сепаратистов, стремившихся к независимости Ингушетии. По мере усиления роли шейхов влияние «джабагиевцев» неуклонно падало среди ингушей.

Благодаря усилиям всех заинтересованных в мире политиков с 5 по 8 августа во Владикавказе прошел общий съезд ингушей, казаков Сунженского отдела и иногородних, живших на территории этого отдела и Назрановского округа, под председательством кабардинца П. Коцева. Съезд принял решение судить разбойников по шариату (в том числе убийц за кровную месть), образовать капиталы для удовлетворения потерпевших (но лишь при отделах), создавать смешанные комиссии по каждому случаю преступлений (по двое представителей от казаков и ингушей) [13, с. 192–193].

Однако положение не изменилось: межэтнические столкновения еще более усилились. Архивные документы изобилуют сообщениями о непрекращающемся абречестве, убийствах и грабежах. Сентябрь 1917 г. – столкновения меж-

ду казаками станиц Карабулакской, Троицкой, Слепцовской, Фельдмаршальской и ингушскими селами (Плиево, Мужичи, Галашки). 15 сентября во Владикавказе по инициативе властей состоялся объединенный съезд казаков и ингушей, на котором было принято решение заключить «перемирие» до конца года [1, с. 49], возместить убытки казакам Фельдмаршальской и даже организовать смешанную охрану от разбоев. Но взаимное недоверие сторон было столь сильно, что эта мера осталась на бумаге, и столкновения продолжались. Таким образом, ингушский народ к осени 1917 г. находился в состоянии межнациональной войны с терскими казаками Сунженского отдела, а также с осетинами. Этому способствовала пропаганда фанатично настроенного духовенства, резко отрицательное отношение основной массы ингушей к российской власти и широкое развитие абречества, неизменно усиливавшегося по мере ослабления государства. Как и в Чечне, миротворческие усилия политиков оставались почти безуспешными.

5 сентября началось массовое изгнание кумыками и чеченцами-аккинцами русскоязычного сельского населения из Хасавюртовского округа. Одновременно усилились нападения абреков из Чечни на русские слободы Ведено, Шатой, Воздвиженскую. Ситуация осложнялась для нападавших тем, что в этих пунктах находились воинские гарнизоны. Происходили нападения абреков даже на города. 24 сентября 1917 г. произошел набег абреков из Ингушетии на центр Владикавказа [9, с. 237].

В сентябре Горское правительство стало требовать вывода из Терской области регулярных воинских частей, многие из которых находились под влиянием большевиков, ссылаясь при этом на столкновения отдельных групп солдат с местным населением. Такие прискорбные случаи действительно были во Владикавказе, Грозном, Хасавюрте и других местах. Одновременно на Терек возвращались части Дикой дивизии, ставшие военной опорой Горского союза [4, с. 45].

В области разгорался пожар межнациональной войны. 13 октября 1917 г. Союз объединенных горцев, Войсковое правительство и Областной гражданский исполнительный комитет объявили Терскую область на военном положении. В то же самое время руководители казачьих войск юга России, уже не ожидая от Керенского действительно властных действий и опасаясь большевизма, рвавшегося к власти в условиях нагнетаемой анархии, решили образовать региональное руководство. На конференции, состоявшейся во Владикавказе 16–20 октября 1917 года, был под-

писан договор об образовании федеративного государства – «Юго-Восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей» [15]. В состав Юго-Восточного союза (ЮВС) вошли Донское, Кубанское, Терское и Астраханское казачьи войска, а позднее присоединилось и Уральское, а также горцы Северного Кавказа, Дагестана, Сухумского и Закатальского округов и «вольные» степные народы Астраханской области и Ставропольской губернии (калмыки, караногайцы и др.). И тогда же, в конце октября, представители восьми станиц Сунженского отдела – Карабулакской, Троицкой, Слепцовской, Нестеровской, Фельдмаршальской, Ассиновской, Михайловской и Самашкинской опубликовали совместное воззвание к станичникам, где писали: «В данное время, по официальным сведениям нам известно, что по каким-то причинам, нам не известным, образован Союз юго-восточных народов, в который вошли все народы Кавказа, в том числе ингуши и чеченцы, давнишние наши враги, с которыми, согласно договору союза, мы должны жить заедино, по-братски, но мы, представители станиц Сунженской линии, на это не согласны и против этого» [13, с. 206]. В связи с этим воззванием М.А. Караулов заявил о сложении с себя полномочий войскового атамана, мотивируя свой шаг недоверием, выраженным 8 станицами Сунженской линии. Его оставили атаманом, так как снятие и избрание главы ТКВ осуществлял только Большой Войсковой Круг. Вообще в октябре атамана обвиняли представители самых разных сословий и политических сил. Даже орган местных областных промышленников – газета «Биржевые ведомости» отмечала 11 октября 1917 г.: «...политика войскового правительства во главе с есаулом Карауловым ничего, кроме обострившейся вражды русских с горцами, не дала, да и не может дать» [2, с. 125].

Известие об Октябрьской революции было воспринято в Терской области неоднозначно. Владикавказский и Грозненский Советы высказались за поддержку большевиков. Войсковое правительство сочло захват власти большевиками преступным делом. Более того, руководство ТКВ заявило, что всю полноту государственной власти в пределах войсковой территории, то есть в отделах Пятигорском, Моздокском, Кизлярском и Сунженском, берет в свои руки. 15 ноября атаман ТКВ М.А. Караулов издал приказ о своем вступлении в полномочное управление казачьими отделами Терской области. Одновременно то же самое сделало Горское правительство, объявив о распространении своей юрисдикции на горские округа [9, с. 241].

Кровавые столкновения между казаками и

вайнахами продолжались и в ноябре 1917 г. Крушение поезда, организованное абреками из Чечни 23 ноября у разъезда Джалка, привело к их погрому казаками 2-го Кизляр-Гребенского полка. Казаки атаковали запасную сотню Чеченского полка, выбили ее со станции и продолжили громить чеченцев уже в городе. Известия о случившемся молниеносно разнеслись по соседним аулам. К вечеру чеченцы окружили город. Вечером 24 ноября они напали на Новые промыслы. Запылали 5 мощных нефтяных фонтанов [4, с. 74]. До 5 тыс. рабочих остались без работы и крова. Часть жителей была убита, а некоторые взяты в плен и уведены в горы. Пожар на Новых промыслах продолжался полтора года. После катастрофы 24 ноября промыслы покинули наиболее опытные рабочие, много лет трудившиеся там.

Крайне сложная обстановка сохранялась на верхней и средней Сунже по линии ингушско-казачьего соприкосновения. 14 ноября казаки напали на аулы Плиево и Яндырка, после чего установился многодневный фронт, окруживший всю Ингушетию. Была сожжена станица Фельдмаршальская [1, с. 49]. Между тем у ингушей вновь усилилась конфронтация с осетинами. Между селом Ольгинским и аулом Базоркино уже в который раз началась вражда. Противостояние наблюдалось и у жителей осетинского села Батакоюрт с соседями [4, с. 62].

В условиях всеобщего обострения обстановки в Терской области, как и по всей России, в конце ноября проводились выборы в Учредительное собрание. Из-за непрекращавшейся межнациональной резни в областную избирательную комиссию так и не поступили конкретные данные о результатах выборов в воевавших друг с другом казачьих станицах и горских аулах [4, с. 57]. И все же результаты оказались для многих неожиданными: большевистский список кандидатов собрал 44 % от общего числа голосов, поданных по Терско-Дагестанскому избирательному округу за все списки [2, с. 132].

Стремясь создать надежный противовес растушему влиянию большевиков, Войсковое правительство начало переговоры с Союзом объединенных горцев и руководителями «Союза городов» (организации, созданной городскими думами в годы мировой войны для помощи фронту) о создании реально действующего в крае органа исполнительной власти. Результатом этих переговоров, начавшихся 1 декабря во Владикавказе, стало создание Терско-Дагестанского правительства (ТДп) [16]. 5 декабря была опубликована совместная декларация участников совещания об образовании ТДп, в которой, в частности, предполагалось: в кратчай-

ший срок созвать краевой учредительный «сейм» для разрешения всех основных вопросов, «беспощадно бороться с контрреволюцией, анархией, разбоями и грабежами, разработать мероприятия к смягчению финансовой и хозяйственной разрухи», заняться «подготовкой разрешения земельного вопроса в соответствии с интересами трудящихся масс» [4, с. 54].

Вместе с тем на западе области, в Пятигорском отделе, Нальчикском и (частично) Владикавказском округах обстановка была не столь мрачной. Там в основном сохранялся межнациональный мир, хотя между сторонниками Временного правительства и Советами отношения все более ухудшались.

Настоящая трагедия, как было замечено выше, разыгралась на крайнем востоке Терской области – в Хасавюртовском округе. Русское мужское население призывного возраста из недавно основанных сел было мобилизовано в армию. С другой стороны, эти села не имели такого военно-административного уклада, который существовал в казачьих станицах. Не было у крестьян и оружия, а также навыков владения им. Поэтому осенью 1917 г. русское население Хасавюртовского округа оказалось фактически беззащитным перед грабежами и насилиями, производившимися соседями – кумыками и чеченцами-аккинцами, решившими выжить «незванных» переселенцев-земледельцев со своих пастбищ, отнятых государством в пользу русских. Ситуация усугублялась массивной антирусской пропагандой, шедшей из соседнего Дагестана. Защиты у переселенцев не было, поэтому они в абсолютном большинстве покидали насиженные места. Докладывая впоследствии на заседании Совета Народных Комиссаров о положении на Северном Кавказе, Г.К. Орджоникидзе так характеризовал ситуацию: «Осенью 1917 г. среди горцев начинается движение под лозунгом «долгой русских с горской территории». Чеченцы нападают на Грозный. Уничтожаются целые русские села, поселки, находящиеся среди горских народов, и лозунг «бей русских» становится самым популярным» [17]. Это не было преувеличением: «более 170 русских поселков, молдаванских хуторов, немецких «колонок», расположенных на Кумыкской плоскости, были буквально сметены с лица земли» [4, с. 73]. В декабре 1917 г. осажденный и покинутый жителями Хасавюрт был превращен в руины [4, с. 73]. Следует отметить, что вооруженный отряд Узун-Хаджи дошел и до Гудермеса, повторив там трагедию Хасавюрта. После этого тысячи русских беженцев со всей Кумыкской плоскости устре-

мились к железной дороге и казачьим станицам, надеясь на защиту терцев. Вот так разрешались межнациональные проблемы в Хасавюртовском округе в конце 1917 г.

Русские слободы, находившиеся в Чечне – Ведено, Шатой, Воздвиженская – переживали события, во многом схожие с трагедией Хасавюрта. Массированные нападения абреков из Чечни на гарнизоны укреплений привели к сдаче слобод Шатой и Воздвиженская. Тысячи жителей остались без крова и имущества и вынуждены были спасаться бегством. Оружие и имущество, оставленное по соглашению с гарнизоном на складах крепости, также подверглось разграблению [11, с. 18]. Безусловно, все эти слободы являлись изначально передовыми форпостами российской колонизации со времени окончания Кавказской войны, и чеченцы жаждали вернуть себе эти земли. Однако варварские методы разрешения этой проблемы лишь усугубляли межнациональные отношения русских и чеченцев.

В результате ухода русского населения и войск из слобод в районах сопредельного проживания граница четко определилась по Сунже и Тереку. На левых берегах рек находились казачьи станицы, чье население занимало прочную оборону, а на правом берегу располагались чеченские аулы, откуда не прекращались вооруженные попытки вытеснить казаков за Терек. В конце 1917 г. «...Дагестан, Чечня, Ингушетия были уже наводнены агентами Турции, кровно заинтересованной, прежде всего, в том, чтобы развалить тыл Кавказской Армии» [4, с. 71]. В результате турецкой пропаганды межнациональные противоречия лишь усиливались.

Тем временем стремительно росло недовольство казаков миротворческой политикой М.А. Караулова, оценивающих ее как измену казачеству и потворство территориальным претензиям горцев. На упоминавшееся коллективное заявление населения 8 сунженских станиц о недоверии атаману последовало его заявление об отставке, которое планировалось рассмотреть на заседании Большого Войскового Круга 17 декабря 1917 г. Однако последовавшие 13 декабря трагические события резко изменили положение казачества и его руководства – атаман ТКВ М.А. Караулов был зверски убит солдатами-дезертирами с Кавказского фронта на станции Прохладной. После убийства М.А. Караулова пост атамана занял его заместитель Л.Е. Медяник. Вскоре после этого он попал к ингушам, которые назначили за него выкуп. Но после уплаты выкупа пленники не были отпущены и в итоге бесследно исчезли [18]. Гибель атаманов Караулова и Медяника еще более осложнила положение Терского войска. Трижды

назначавшийся съезд Войскового Круга удалось провести только в феврале 1918 г. [19]. Каждая станица жила своей жизнью без связи с центром, которого в принципе и не существовало.

Между тем на линии соприкосновения казаков и вайнахов межнациональная война принимала все более долговременный характер. Казаки были озлоблены невиданными трудностями, возникшими в станичной жизни в 1917 г. из-за абречества: на Сунженской линии половина земли осталась нераспаханной, сено на зиму не было заготовлено, полевые работы и заготовку дров производить было невозможно. Межнациональная вражда приносила смерть и страдания также и горцам. Действия, предпринимаемые властными структурами, практически ничего не давали. Многочисленные съезды по примирению с их резолюциями также оказывались малоэффективным средством стабилизации ситуации. В то же время некоторые шейхи вполне искренне стремились к достижению мирного добрососедства. В их числе Д. Арсанов, который выступал за сохранение Северного Кавказа в составе России и мирное сосуществование коренных народов с русскими. После поджога Новых промыслов, грабежей в Грозном и ухода оттуда Чеченского конного полка и ЧНС Д. Арсанов неоднократно пытался устроить перемирие через переговоры с казачьим руководством Кизлярского отдела. Во второй половине декабря в здании школы станицы Червленной состоялся съезд казаков и делегатов Надтеречных (правобережных плоскостных) аулов Чечни, руководимых Арсановым, с целью заключения мира [11, с. 18]. Во второй половине декабря въезд в Грозный чеченцам был фактически запрещен [4, с. 76]. Однако в конце декабря совершенно неожиданно днем Д. Арсанов с мюридами въехал в город и проследовал через него на север, держа путь через Грозненскую станицу в Червленную, где уже начался съезд. Неосведомленные о сути поездки грозненские казаки, для которых из-за бесконечных нападений соседей уже все чеченцы были врагами, устроили засаду и убили шейха в станице вместе с 35 мюридами [11, с. 18]. Известие об этом вызвало бурю негодования в плоскостных чеченских аулах, после чего произошло нападение горцев на Кахановскую, которая в ходе яростного боя была захвачена, разграблена и сожжена дотла, а ее население укрылось в соседней Ильинской. Одновременно в Гудермесе чеченцы напали на солдат-пехотинцев Уссурийского полка, возвращавшихся домой, что привело в итоге к обоюдным многочисленным жертвам. В ответ вооруженная толпа, в составе которой оказались казаки, грозненцы, беженцы из Хасавюрта, солдаты гарнизона с ожесточением набросились на че-

ченский аул Старый Юрт, который разделил участь Кахановской: был разграблен и сожжен. Вскоре казаки разгромили населенный кумыками Новый Юрт в отместку за изгнание русских с Кумыкской плоскости [9, с. 263]. Попытки различных политических сил, претендовавших на власть в крае, были показательны по своему бессилию.

В самом конце декабря ТДП разгромило Владикавказский и Грозненский Советы. Большевики перешли на нелегальное положение [2, с. 134]. В то же время Терско-Дагестанское правительство исчерпало свои властные возможности разгромом Советов и также не имело достойных сил для поддержания порядка. В результате вакуума власти в области установилась «никем и ничем не сдерживаемая анархия, разнузданный произвол и мародерство» [20].

Таким образом, к концу 1917 г. в области сложилась напряженная обстановка, ставшая следстви-

ем переплетения земельных, национальных, классовых, религиозных и сословных противоречий. В городах и районах продолжались массовые грабежи и убийства мирного населения. Межнациональные столкновения приобрели широкомасштабный характер, так как обе стороны сделали ставку на агрессивные-радикальные меры. Оптимизация межнациональных отношений была крайне осложнена нерешением земельного вопроса, который оставался яблоком раздора и источником крайней напряженности в области.

К началу 1918 года межнациональная рознь в Терской области достигла своего апогея. Это во многом объясняется горской спецификой, сложностями и противоречиями, которые создавали дополнительные трудности в проведении большевистских реформ [21, с. 76]. В комплексе эти обстоятельства затягивали решение земельного вопроса, а вместе с ним межэтнического противостояния.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Цуциев А.А.** Осетино-ингушский конфликт (1992): его предыстория и факторы развития. Историко-социологический очерк. – М.: «Российская политическая энциклопедия», 1998.
2. **История Северной Осетии: XX век.** – М.: Наука, 2003.
3. **Футорянский Л.И.** Воздействие демократических революций на быт и нравы казачества России // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. – М.: РАН, 1997. С. 50.
4. **Корнеев Д.З.** Революция на Тереке, 1917–1918 гг. – Орджоникидзе, 1967.
5. **ЦГА РСО-А.** Ф. 20. Оп. 1. Д. 3345. Л. 141 об.
6. **ЦГА РСО-А.** Ф. 225. Оп. 1. Д. 2а. Л. 225.
7. **I-й горский съезд (отчет).** – Владикавказ, 1917. С. 46.
8. **Дзидзоев В.Д.** От Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана до Горской АССР 1917–1924 гг. (Начальный этап национально-государственного строительства народов Северного Кавказа в XX веке). – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2003.
9. **Дунюшкин И.Е.** Терское казачество в межнациональных отношениях на Северном Кавказе (1905–1917 гг.) // Дисс. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 1996.
10. **Колосов Л.Н.** Чечено-Ингушетия накануне Великого Октября (1907–1917 гг.). – Грозный, 1968. С. 57.
11. **Ошаев Х.Д.** Очерк начала революционного движения в Чечне. – Грозный, 1927.
12. **Терский вестник.** 1917., 11 июля. С.3.
13. **Мартиросиан Г.К.** История Ингушии. – Орджоникидзе: Изд-во «Serdalo», 1933.
14. **Разгон И.Э.** Орджоникидзе и Киров в борьбе за власть Советов на Северном Кавказе. – М., 1941. С. 59.
15. **ЦГА РСО-А.** Ф. 225. Оп. 1. Д. 2а. Л. 183-184.
16. **Гражданская война и военная интервенция в СССР.** Энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 583.
17. **Борьба за Советскую власть в Северной Осетии (1917–1920 гг.).** Сборник документов и материалов. – Орджоникидзе, 1957. С. 197.
18. **Родной Терек.** 1982. № 11. С. 10–11.
19. **Ткачев Е.А.** Терское казачество в годы революций и гражданского противостояния (1917–1923): участие, политические приоритеты, итоги // Дисс. ... канд. ист. наук. – Пятигорск, 2005. С. 50.
20. **Тотоев М.С.** Очерк истории революционного движения в Северной Осетии (1917–1920 гг.). – Орджоникидзе, 1957. С. 61.
21. **Дзидзоев В.Д.** Белый и красный террор на Северном Кавказе в 1917–1918 гг. – Владикавказ: «Алания», 2000.

